

1868

ГОЛОДНЫЯ И ХОЛОДНЫЯ МЪСТА.

Вашу руку, читатель! Пойдемте странствовать по Сѣверу, посмотрѣть на тамошнюю природу, на тамошнихъ людей; будемъ—насколько это теперь возможно и насколько хватитъ нашихъ силъ—изучать сѣверныя дѣла, мысли и страсти. Дивный этотъ Сѣверъ! Все въ немъ необычайно; громадны тамъ лѣса и рѣки, громадна земля, а за ней громадное съ вѣчными льдами море, своеобразный климатъ, чудныя небесныя явленія, даже нравственная природа сѣвернаго человѣка заключаетъ въ себѣ столько необычайныхъ качествъ, что имъ не удивляться невозможно. Не хорошо теперь на Сѣверѣ: климатъ суровый, земля скудно вознаграждаетъ трудъ человѣка, люди неразвиты. Но всегда ли это такъ будетъ?... Я увѣренъ, что нѣтъ. Скоро ли это будетъ или пройдутъ вѣка—трудно вѣдь разсчитать будущую силу времени;—но Сѣверъ долженъ сдѣлаться непременно дѣльнымъ, богатымъ и развитымъ. Это не фраза, не мечта, но строгій выводъ изъ фактовъ, которые всякій провѣрить долженъ. И чтобы по-пусту не терять времени станемте разсматривать Сѣверъ: тогда вы сами убѣдитесь, что въ словахъ моихъ много правды. Сначала я вамъ покажу Пинегу, а тамъ пойдемъ на Вагу, на Вычегду.

I.

Г. Пинега.

«По платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ»—говоритъ пословица. Если бы эту глубокомысленную сентенцію примѣнить къ нынѣшней Пинегѣ, то ее, бѣдняжку, нужно было бы встрѣтить съ са-

мымъ глубокимъ отвращеніемъ: такъ неприглядна ея наружность. Вообразите себѣ, читатель, высокое, длинное мѣсто, окаймленное спереди маленькой рѣчкой, сзади—густымъ, дикимъ лѣсомъ. Эта рѣчка — рукавъ Пинеги, потому что сама Пинега течетъ отъ города въ двухъ верстахъ; лѣсъ же кончается у Бѣлаго моря, до котораго отсюда напрямикъ и ста верстъ нѣтъ. На этомъ высокомъ, длинномъ мѣстѣ вы видите нѣсколько десятковъ ветхихъ домовъ, съ высокой, каменной церковью по срединѣ. Это городъ Пинега. Посмотримъ ближе на нее. Строго говоря, въ Пинегѣ одна только улица; отчего городъ имѣетъ видъ бѣднаго селенія. Улица эта длиною около версты, по концамъ своимъ имѣетъ двѣ деревни, одна изъ нихъ — Великой Дворь, недавно приписана къ городу, чтобы легче было—какъ говорили—отбывать городскія повинности. Другая—лѣвая Мурга—приписана тоже къ Пинегѣ. Начнемъ отъ нея осматривать городъ. Вотъ нѣсколько строеній съ сильно казеннымъ характеромъ. Это магазины: въ одномъ соль продается, въ другомъ городской хлѣбъ сложенъ, въ третьемъ — провіантъ инвалидной команды, въ четвертомъ, во времена откуповъ, хранилось вино, почему—должно быть—онъ и покрытъ дерномъ. Дорога идетъ немного въ гору, вы видите на лѣвой рукѣ желтый, значить казеннаго цвѣта, домикъ. Это городская больница. Дѣлаете небольшую дугу шаговъ въ тридцать и передъ вами широкая, длинная, довольно прямая улица, сердце Пинеги, Невскій Проспектъ ея, или, лучше сказать, весь городъ тутъ. Улица эта — Богъ ее знаетъ какъ называется (въ сѣверныхъ городахъ улицы безъ имени)—идетъ параллельно рѣкѣ, въ срединѣ ея соборъ, передъ нимъ городская площадь. Въ этой улицѣ всего только 27 домовъ, 19 съ лѣвой стороны и 8 съ правой; она неровна и невымощена ничѣмъ, такъ что осенью и весною пройти ее поперекъ не всегда можно, а въ одномъ мѣстѣ, всю весну и осень, стоитъ такое болото, что лошади въ немъ вязнуть. За исключеніемъ двухъ—дома по этой улицѣ все деревянные, двухъ-этажные по большей части; вмѣсто тротуаровъ подѣланы высокіе, деревянные мостки; между домами бревенчатые заборы; передъ домами деревья нѣтъ; дома—за исключеніемъ трехъ-четырехъ, все старыя, почернѣлыя отъ времени. Въ этой улицѣ находятся почти всѣ присутственныя мѣста, по ней торговый рядъ, т. е. десятка два самыхъ негодныхъ чулаччиковъ, тюрьма, на ней происходятъ торги по четвергамъ, на ней всего больше движенія во время ярмарки. Улицу эту перерѣзываетъ нѣсколько переулковъ, если переулками можно назвать въ

15—20 сажень линіи, иногда безъ жилья, но всегда съ грязью, случается, что и съ непроходимымъ болотомъ. Параллельно главной улицѣ, ближе къ лѣсу, идетъ другая. Она также длинна, какъ и первая, но хуже ея несравненно. Домовъ въ ней всего 10—15, по большей части маленькіе, иногда безъ крыши. Мостиковъ здѣсь нѣтъ во всю улицу, а конецъ ея совершенно непроходимъ; стоящее тамъ вѣчно болото не просыхаетъ даже въ самые жаркіе дни лѣта.

Но если пинегецъ не могъ сдѣлать ничего хорошаго для себя, то природа, окружающая его, еще менѣе о немъ позаботилась. Въ Пинегѣ сырость истинно-классическая. Происходитъ она по многимъ причинамъ: отъ близости моря, отъ окружающей городъ тундры, непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ, оттого наконецъ, что здѣсь на 8 мѣсяцевъ земля замерзаетъ, много бываетъ дождей. Особенныхъ физическихъ явленій, кромѣ сѣвернаго сіянія и ужасно неравномѣрнаго распредѣленія свѣта, въ Пинегѣ нѣтъ. Разъ только, именно 17 февраля 1866 г., въ десять часовъ вечера, я видѣлъ, какъ луна была перпендикулярно прорѣзана какимъ-то свѣтлымъ лучомъ, имѣющимъ много сходства, съ такъ называемыми, хвостами кометъ. Явленіе это длилось болѣе двухъ часовъ. Позднія звѣзды здѣсь очень рѣдки, всего болѣе видны онѣ съ августа по ноябрь. Громъ начинается съ мая. Это тоже рѣдкое явленіе и оно не приноситъ никому вреда. Здѣшніе старики не запомнятъ, чтобъ громомъ убило когонибудь, или причинило гдѣнибудь пожаръ. Рѣдки тоже радуги, ихъ бываетъ не болѣе 3—4 въ годъ.

За то очень часты въ Пинегѣ сѣверныя сіянія. (Ихъ называютъ здѣсь народъ «сполохами»). Всего чаще они бываютъ отъ 11 до 12 часовъ ночи, въ морозы не менѣе 10⁰/₁₀ и продолжаются не болѣе двухъ часовъ. Я намѣренъ описать вамъ сѣверное сіяніе, бывшее въ Пинегѣ 7 октября 1865 г., замѣчательное потому, что оно было видно, какъ сообщали послѣ газеты, почти во всей Европѣ и проявилось такъ сильно, что поразило даже мѣстныхъ жителей, привыкшихъ уже къ нимъ съ дѣтства. Разумѣется, художественности въ моемъ описаніи не ищите; я буду только вѣрнымъ передатчикомъ тѣхъ впечатлѣній, которыя произвело на мои чувства это грандіозное явленіе. Сіяніе, о которомъ рѣчь, началось въ 7 часовъ вечера и кончилось въ 9¹/₂, слѣдовательно продолжалось лишь два съ половиною часа. Началось оно съ бѣловатаго дыма на сѣверѣ, который скоро исчезъ, и на мѣсто его явилась бѣловатая дуга. Изъ этой дуги (похожа очень была на дорогу) вылетали,

въ видѣ столбовъ, какіе-то свѣтлыя лучи, и чѣмъ ихъ было больше и чаще являлись, тѣмъ дуга принимала болѣе яркій цвѣтъ и увеличивалась въ своемъ объемѣ. Лучи эти шли отъ востока къ западу, такъ во всѣхъ сіяніяхъ бываетъ. Въ 8 часовъ, слѣдовательно въ часъ послѣ появленія, феноменъ былъ въ полномъ развитіи. Дуга вся была въ какомъ-то бѣловатомъ огнѣ. Столбы изъ нея не вылетали болѣе, но вокругъ дуги появился какой-то сильный свѣтъ, который то вспыхивалъ, то погасалъ. Въ немъ была смѣсь цвѣтовъ—лазуревый, бѣлый, красный, цвѣта все очень сильные. Съ 8 часовъ свѣтъ началъ слабѣть, и къ десяти погасъ совершенно. Кромѣ описанной дуги, которая, словно радуга, раздѣлила на двѣ, почти равныя, половины весь небосклонъ, въ срединѣ котораго стояли, въ минуту самого сильнаго развитія явленія, черныя столбы, образующіе собою что-то въ родѣ вѣера. Въ тоже самое время на западѣ—отъ югозапада къ сѣверовостоку, стояла вторая дуга, меньше первой по объему и не столько яркая свѣтомъ, такъ что болѣе часу все небо залито было сіяніемъ. Въ Пинегѣ сѣверныя сіянія не издають никакого звука; въ Мезени (сто верстъ сѣвернѣе) онъ уже слышенъ, хотя слабый, а на Новой Землѣ—на Маткѣ, какъ здѣсь народъ говоритъ—звукъ этотъ равняется сильной пушечной пальбѣ. Замѣчательно, что во время сіянія всѣ животныя очень безпокойны; собаки особенно лають и прячутся. Это я видѣлъ собственными глазами. Смотря на описанное сіяніе, я сдѣлалъ такое сравненіе: дуга—это аллея; по ней катится съ неимовѣрной быстротой, множество, освѣщенныхъ внутри, экипажей, которые проваливаются куда-то; но пока летятъ, то изъ нихъ льется различный свѣтъ—лазуревый, бѣлый, красный. Цвѣты эти сливаются какъ-то и такъ сильны, что долго смотрѣть на нихъ нельзя.

Неравномѣрность въ распредѣленіи свѣта, или, иными словами, величина дня и ночи—въ Пинегѣ болѣе, чѣмъ поразительна. Въ половинѣ іюня день продолжается 22 часа, въ половинѣ декабря—его и двухъ часовъ даже нѣтъ. Въ первое время солнце восходитъ въ часъ по полуночи и заходитъ въ 11 вечера; во-второе—восходитъ въ половинѣ одинадцатаго утра и ранѣе половины втораго уже садится. Ночи здѣсь по большей части свѣтлыя; самыя темныя бываютъ съ половины августа до половины октября. Съ начала же мая до начала іюля, онѣ такъ свѣтлы, что во всю ночь всякой работой, даже чтеніемъ и письмомъ, пріизрядно заниматься можно. Но за ними очень скоро начинается ночная темь; около 10 августа ночи уже вполнѣ темны. Большинство зимнихъ ночей освѣщено миріа-

дами звѣздъ, и чѣмъ сильнѣе морозъ, тѣмъ звѣздъ больше и свѣтять онѣ ярче.

Вы знаете, читатель, что климатъ въ Пинегѣ очень суровый; особенно сурова тамъ зима. Но эту суровость здѣшняго климата вообще, и зимы въ особенности, надо понимать не такъ, какъ многіе это дѣлають. Большинство думаетъ, что на Сѣверѣ какъ начнутъ съ Николя сорокаградусные, или хотъ тридцатиградусные морозы, такъ и катають вплоть до самаго марта, не увеличиваясь, но и не падая. На дѣлѣ выходитъ иначе: есть зимы вовсе нехолодныя съ постоянными оттепелями, иногда падаетъ дождь, а 26 декабря 1865 года было даже 20% тепла. Слѣдовательно климатъ въ Пинегѣ суровъ не по сильнымъ морозамъ, а потому, что тамъ снѣгъ лежитъ семь мѣсяцевъ, земля замерзаетъ почти на три четверти года, дуетъ множество холодныхъ вѣтровъ, на весь годъ—не знаю—наберется ли десятокъ теплыхъ ночей. Зимой холодъ не оканчивается: въ началѣ августа 1865 г. морозомъ побилъ хлѣбъ; 30 же мая 1866 года было 2% холода. И это не исключенія, а общее правило; въ маѣ снѣгъ и морозъ здѣсь не диковина; въ августѣ очень часто отъ морозовъ погибають хлѣба. Вотъ главная причина того, что въ Пинегѣ на пять лѣтъ только одинъ годъ урожайный, тогда какъ во Франціи—по свѣденіямъ бывшаго сенскаго префекта Комба—на десять урожайныхъ годовъ лишь одинъ приходится неурожайный. Слѣдовательно пинежець, въ отношеніи урожаяевъ, въ двадцать разъ несчастнѣе француза.

Пинега въ настоящее время мизерна, какъ и мизеренъ весь Сѣверъ — это правда, но правда и то, что нынѣшняя мизерность всего Сѣвера вообще и Пинеги въ особенности происходитъ оттого, что слишкомъ ужъ мизерны тѣ понятія и взгляды, которыми до сихъ поръ угодно было дарить сѣвернаго человѣка и сѣверную землю. Переменись это сегодня, и завтра все увидятъ, что Сѣверъ, лишь бы имъ только раціонально заняться, одинъ въ состояніи вынести на своихъ плечахъ тотъ экономическій кризисъ, въ которомъ нынѣ находится Россія. Измениться же это можетъ лишь тогда, когда Сѣверъ, голодающій теперь, пустынный, дикій Сѣверъ, съ своими непочатыми силами—выступить на выручку, или лучше сказать на спасеніе Россіи. (Сѣверомъ я называю въ настоящей статьѣ одну лишь архангельскую губернію и сѣверные уѣзды олонецкой и вологодской, — тотемскій, устюжскій, сольвыгодскій, яренскій, устьесольскій, каргопольскій, повѣнецкій и пудожскій.)

Это не фраза и не угроза, а выводъ изъ неопровержимыхъ фак-

товъ. Югъ и средняя полоса Россіи прожили уже свое; они отходятъ, такъ сказать. Въ нихъ земли мало и она истощена такъ, что растущему теперь поколѣнію грозитъ недостатокъ въ хлѣбѣ. Эта истощенность земли увеличится еще болѣе вслѣдствіе того обстоятельства, что крестьяне, къ которымъ много переходитъ уже теперь и перейдетъ еще болѣе помѣщичьихъ земель, не будутъ смѣрять на сѣвообороты, а лишь на то, чтобъ какъ можно больше и въ самое скорое время извлечь дохода. Мнѣ скажутъ, что на югѣ есть большія степи, которыя можно воздѣлать. Правда, но позвольте, не всякую степь воздѣлать можно—есть солончаки, чистый песокъ или глина, тогда какъ вся земля Сѣвера годится для обработки; развѣ однѣ небольшія, прибрежныя мѣста остались бы нетронутыми. А суровость климата? замѣтятъ мнѣ. Это дѣло по правимое. Осушите болота и тундру, въ лѣса сѣверные введите рациональное хозяйство, вслѣдствіе чего они бы очистились, и климатъ сдѣлается гораздо теплѣе. Кому слова мои покажутся странными, я доложу, что, на томъ же самомъ Сѣверѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ суше, тамъ и теплѣе; значитъ сырость причиной здѣсь холода, который въ свою очередь парализуетъ растительность. Не говоря уже о томъ, что въ средней Европѣ, гдѣ нынѣ зрѣетъ на воздухѣ виноградъ, встарину, пока болота были неосушены и росли непроходимые лѣса, отъ холоду, какъ свидѣтельствуя лѣтописи, люди замерзали на дорогѣ. Наконецъ сколько на югѣ мѣшаютъ земледѣлію—засухи, саранча, разныя другія на-сѣкомья, чего на Сѣверѣ никогда быть не можетъ. На югѣ нѣтъ лѣса совершенно, въ средней же Россіи, хотя онъ и есть, но скоро его истребятъ. Разводить же лѣсъ на югѣ и сохранить его въ средней полосѣ болѣе, чѣмъ невозможно. Первому мѣшаетъ сухая почва, да и сколько лѣтъ нужно для того, чтобы выросъ лѣсъ? Второму—со всякимъ днемъ увеличивающаеся, въ страшной пропорціи, число потребителей. Не надо тоже упускать изъ виду того весьма грустнаго, въ этомъ отношеніи, факта, что, по причинамъ, неразгаданнымъ еще до сихъ поръ, климатъ, какъ въ средней Россіи, такъ и на югѣ, съ каждымъ годомъ дѣлается суровѣе, тогда какъ на Сѣверѣ, въ тоже самое время, онъ видимо слабѣетъ. Это обстоятельство ускоритъ истребленіе русскихъ лѣсовъ, какъ на югѣ, такъ и въ средней полосѣ. Весь же Сѣверъ, можно сказать, съ его миллионнами десятинъ земли покрытъ почти однимъ лѣсомъ. На югѣ, наконецъ, и въ средней Россіи воды мало, отсюда сухость почвы, которая, въ свою очередь, мѣшаетъ лѣсоросленію и хозяйству,—дороговизна со-

общеній, ибо дешевле водянаго пути ничего на свѣтѣ быть не можетъ. Сѣверъ же преизобилуетъ рѣками и озерами. Въ одной архангельской губерніи насчитываютъ—не знаю на сколько ужь справедливо, но такъ говорить г. Пошманъ, — рѣкъ и рѣчекъ 1,094, озеръ 2,914.

Я не говорю уже о томъ, что Бѣлое море, омывающее Сѣверъ, не впримѣръ важнѣе Чернаго, Каспійскаго и Балтійскаго морей. Въ Бѣломъ морѣ—это правда—навигационный періодъ очень малъ и льды мѣшаютъ иногда плаванію. Но за то въ немъ нѣтъ такихъ опасныхъ мѣстъ, какими изобилуетъ Балтійское море и не бушуютъ тамъ такія бури, благодаря которымъ ежегодно въ Черномъ морѣ погибаютъ десятки судовъ и сотни людей. Значить, и въ этомъ отношеніи, выпрышъ на сторонѣ Бѣлаго моря, которое передъ Чернымъ и Балтійскимъ имѣетъ еще то преимущество, что промысла въ немъ несравненно богаче, чѣмъ въ двухъ названныхъ моряхъ, взятыхъ вмѣстѣ.

Но самое главное значеніе Бѣлаго моря, въ отношеніи къ прочимъ русскимъ морямъ, значеніе, на которое, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не обращено было никакого вниманія — это то, что въ немъ никакая европейская конкуренція невозможна, что это море до тѣхъ поръ будетъ русскимъ, пока будетъ русская земля. И теперь на немъ всего болѣе плаваютъ русскихъ судовъ. Въ 1865 г., по вычисленіямъ г. Окунева, въ Бѣломъ морѣ русскихъ судовъ плавало 500 на 930 иностранныхъ, тогда какъ въ Черномъ и Каспійскомъ моряхъ на 3,147 иностранныхъ плавало подъ русскимъ флагомъ лишь 420, а въ Балтійскомъ на 4,940 не русскихъ, русскихъ, тоже по флагу, было всего 350.

Итакъ въ то время, когда на югѣ и въ срединѣ Россіи земля и лѣсъ истощаются, чувствуется недостатокъ въ водѣ, — на сѣверѣ лѣсъ и почва не тронуты почти еще человѣкомъ, воды вдоволь, подъ бокомъ лучшее изъ русскихъ морей. Это и заставляетъ меня вѣрить, что русскому Сѣверу предстоитъ самая блестящая будущность, чего никакъ нельзя сказать о средней и южной Россіи. Пинега же имѣетъ теперь и будетъ всегда имѣть одно изъ лучшихъ мѣстъ въ жизни русскаго Сѣвера.

Но теперь плохо живетъ пинежцамъ, и это происходитъ оттого, что ресурсы ихъ быта очень ограничены. Ресурсы эти можно свести къ двумъ категоріямъ: въ первой будетъ все то, что земля даетъ, во второй лишь то, что, помимо земли, достается трудомъ человѣка.

Земля здѣсь очень хороша, по большей части, черноземъ, но, къ сожалѣнію, ея здѣсь очень мало, т. е. обработанной уже. Этотъ недостатокъ чувствуется равно какъ горожанами, такъ и жителями уѣзда. Помочь бѣдѣ можно было бы обращеніемъ ближайшихъ лѣсныхъ дачъ въ нивы и осушеніемъ тундръ и болотъ. Но такое дѣло потребовало бы нѣкоторой возни съ формальностями, много труда и много капитала. Потому-то оно и не дѣлается. Теперь пинежскіе мѣщане земли пахатной имѣютъ немного болѣе 120 десятинъ. Всей же земли городу принадлежить около 800 десятинъ, изъ нихъ 182 заняты водами, 4 лѣсомъ, 3 болотами и 55 неудобныхъ мѣстъ, остальное сѣнокосы. Затѣмъ на душу (въ Пинегѣ считается 800 съ чѣмъ-то жителей) придется по десятинѣ изъ всей земли, а изъ пахатной лишь по $\frac{1}{8}$ десятины. Сѣютъ — ячмень, рожь, разводятъ картофель.

Ячменя высѣвается всего болѣе; онъ здѣсь называется «житомъ» и изъ него преимущественно дѣлаютъ хлѣбъ. Чисто ржаной ѣдятъ цѣлый годъ лишь самые зажиточные мѣщане. Количество высѣваемого ячменя къ ржи можно опредѣлить отношеніемъ трехъ къ одному; слѣдовательно ячменя засѣвается приблизительно около 60 десятинъ и только двадцать идетъ подъ рожь. Ячмень обыкновенно высѣваютъ въ концѣ мая, рожь въ іюнѣ; первый созрѣваетъ въ 12 до 15 недѣль, вторая—въ 12 мѣсяцевъ. На пинежскихъ поляхъ ячмень родится лучше ржи: когда послѣдняя даетъ отъ 3 до 6 зернъ, первый никогда меньше четырехъ, въ хорошіе же годы иногда и семь. Пашутъ и боронятъ одной лошадыю. Обработка земли быками, какъ это, напримѣръ, водится на югѣ, здѣсь дѣло неслыханное. Всѣ полевые работы, наравнѣ съ мужчинами, производятъ и женщины; нерѣдко увидите, какъ онѣ здѣсь пахутъ и боронятъ. Здѣшнія женщины, въ отношеніи труда, ничѣмъ не уступаютъ мужчинамъ. Вообще—сѣверянки хорошій народъ. Пашни два года отдыхаютъ подъ паромъ, послѣ чего ихъ унавозятъ, а тамъ сѣютъ—сперва рожь, послѣ ячмень. Жать хлѣбъ косой—тоже здѣсь невидаль. Жнутъ «горбушами»—кривымъ серпомъ, что немилосердно мучитъ людей и замедляетъ работу. Между тѣмъ косить хлѣбъ въ Пинегѣ, какъ и на всемъ Сѣверѣ, гдѣ только онъ родится, было бы дѣломъ самымъ прибыльнымъ. Хлѣбамъ здѣсь не дозволяютъ перезрѣвать, слѣдовательно потери отъ осыпки зерна быть не можетъ; рабочихъ рукъ мало, а этотъ способъ на половину сокращаетъ работу. Нѣтъ тоже камней (камень вѣдь рѣдкость на Сѣверѣ!) и почва довольно ровная, слѣдовательно косить

можно смѣло и рѣзать солому у самой земли, чего нельзя никакъ дѣлать въ мѣстахъ неровныхъ и каменистыхъ; почему тамъ и теряется большой процентъ соломы. А все-таки на Сѣверѣ долгое еще время будутъ избѣгать косить хлѣбъ. «Оно-то и хорошо, пожалуй—говорятъ сѣверяне,—но у насъ не принято». Вотъ и толкуй тутъ!

Укладка и просушка хлѣба дѣлается въ Пинегѣ слѣдующимъ образомъ. Въ землю втыкаютъ колъ, около котораго, комлемъ внизъ, ставятъ снопы: если ячмень, то десять сноповъ, если рожь то пятнадцать. На верхъ кола втыкаютъ еще одинъ снопъ, комлемъ вверхъ, и его распространяютъ такъ, чтобъ покрылъ собой всѣ прочіе, уставленные около кола, снопы. Это называется здѣсь «сулономъ». Такой сулонъ служитъ къ первоначальному просушиванію хлѣба, который защищается отъ дождя воткнутымъ на верхъ кола снопомъ. Дальнѣйшая просушка производится посредствомъ прясель. Вотъ каково ихъ здѣсь устройство. Въ землю, въ одну линію, въ разстояніи двухъ или трехъ сажень одинъ отъ другаго, вкапываютъ довольно высокіе, деревянные столбы, продолбленные въ разныхъ мѣстахъ, въ эти долбежи всовываютъ гладкія, толстыя жерди, въ нѣсколько рядовъ, до самого верху. На этихъ-то жердяхъ нанизываются снопы и такъ сушатся. Высушенный хлѣбъ привозится въ гумно. Сушеніе къ молоченію производятъ въ обыкновенныхъ русскихъ овинахъ и молотятъ на токахъ. Какъ ни напоминаетъ все это патріархальныя, чуть не ноевскія еще времена, но въ уѣздѣ, даже въ подгородныхъ деревняхъ происходитъ все это еще проще. Прясла тамъ не вездѣ, сушатъ хлѣбъ въ жилыхъ хатахъ, а молотятъ его подъ открытымъ небомъ, гдѣ мѣсто тока заступаетъ довольно ровно утопанная земля. Можете себѣ представить, читатель, сколько отъ этихъ варварскихъ пріемовъ теряется здоровья у людей и зерна въ такъ тяжело и скудно добываемомъ хлѣбѣ, и все-таки вы ихъ встрѣтите не только во всей архангельской губерніи, но и въ отдаленныхъ уѣздахъ вологодской—сольвычегодскомъ, яренскомъ, устьсымольскомъ. И дѣлается это не потому, чтобы люди не жалѣли здѣсь своего здоровья, или, чтобы имъ трудно было достать глины на токъ и дерева на гумно, а потому что такъ отцы ихъ дѣлали; значитъ и имъ такъ дѣлать нужно, и съ этимъ проживутъ свой вѣкъ. Эта убійственная рутиня, какъ плодъ умственной неподвижности и соединеннаго съ ней страха за всякую перемену гнететъ русскій народъ болѣе, чѣмъ всякое крѣпостное право.

Измѣнить это къ лучшему нельзя—ни убѣжденіями (потому что съ вами охотно согласятся, и все-таки по прежнему дѣлать будутъ), ни силой—будетъ ли это законъ какой нибудь, казенная ферма въ родѣ примѣра, преміи, или что нибудь иное въ этомъ родѣ. Объ земледѣльческихъ училищахъ и говорить уже нечего, потому что пока воспитаєте новое поколѣніе земледѣльцевъ, старое, нынѣ тамъ живущее, можетъ погибнуть на половину. Тутъ одно лишь средство: колонизація Сѣвера трудолюбивыми, знающими свое дѣло земледѣльцами. Но надо, чтобы они дѣйствовали сами, безъ чужой поддержки, и результатъ получили болѣе благопріятный только оттого, что дѣйствуютъ болѣе рационально. Въ виду такого примѣра сѣверяне бросать старое — это вѣрно. Я опять повторяю, что здѣшній народъ и не глупый и не консервативный, и, если держится старья, то дѣлаетъ это потому, что новое не проявило себя еще въ его глазахъ полезнымъ образомъ. Но откуда взять такихъ колонистовъ? спросятъ меня; кто съ знаніемъ и трудолюбіемъ пойдетъ въ холодную, голодную землю? Это вещи возможныя: я это докажу послѣ, въ приготовленной уже для печати, статьѣ: «Что нужно Сѣверу?»

Жители города Пинегы картофеля садятъ очень мало; въ уѣздѣ разводится его немного больше, но все-таки не настолько, насколько бы это слѣдовало по положенію здѣшняго края. Важность картофеля сознана теперь всѣми; въ настоящее время онъ защищаетъ отъ голодной смерти Ирландію, сдѣлался главнымъ питательнымъ матеріаломъ всей Германіи, Польши, части Швеціи, Норвегіи, Даніи и Швейцаріи съ Сѣверной Америкой. Немудрено, послѣ этого, что картофелю приписываютъ роль историческаго фактора; дѣйствительно, невозможно не согласиться съ Боклемъ, что не будь столько картофеля, исторія Ирландіи имѣла бы совершенно другой характеръ.

Но если для большинства Европы картофель имѣетъ такое громадное значеніе, то на русскомъ Сѣверѣ онъ составляетъ альфу и омегу не только всей экономической, но даже и политической будущности этого обширнаго, заброшеннаго судьбой и людьми края. Недавно помощникомъ начальника Камчатки былъ контръ-адмиралъ П. О. Кузмищевъ, бывший впослѣдствіи командиромъ архангельскаго порта. Какъ въ Камчаткѣ, такъ и въ Архангельскѣ этотъ умный и очень полезный на Сѣверѣ человекъ старался всѣми силами разводить картофель. «Можно посмѣяться надо мною—писалъ онъ однажды изъ Камчатки своимъ роднымъ,

что я, или помѣшанъ на картофелѣ, или влюбленъ въ него. Что бы то ни было, а я вошю: разводите, прежде всего, въ Камчаткѣ картофель, чтобы, въ случаѣ неулова рыбы, можно было пропитаться имъ однимъ.

Того же самого почти мнѣнія и академикъ К. С. Веселовскій. Сравнивая среднія температуры Райкиавика (на о. Исландіи), Архангельска и Березова, и, находя, что дѣто въ Архангельскѣ значительно теплѣе, чѣмъ въ этихъ двухъ мѣстностяхъ, между тѣмъ какъ въ нихъ картофель засѣвается въ обширныхъ размѣрахъ, г. Веселовскій пришелъ къ тому заключенію, что на сѣверѣ европейской Россіи картофель могъ бы быть разводимъ въ гораздо большихъ, чѣмъ нынѣ, размѣрахъ. «Но для этого—замѣчаетъ онъ—необходимы—хорошая обработка земли и старательный уходъ за растеніемъ». «Распространеніе посѣвовъ картофеля—говоритъ дальше г. Веселовскій—было бы большимъ благодѣніемъ для края; потому что урожаи зерновыхъ посѣвовъ здѣсь уже очень невѣрны и часто при недородѣ подвергають населеніе большимъ лишеніямъ». (Журн. М. Г. Имущ. № 2. 1851 г. стр. 30). Подобные отзывы—нельзя съ тѣмъ не согласиться—отличаясь правдой и самой горячей симпатіей къ бѣдному Сѣверу, должны служить для него заповѣдью въ нѣкоемъ родѣ. Ихъ нужно оцѣнить и къ нимъ примѣниться.

Дѣйствительно, будетъ здѣсь много картофеля, неурожай прочихъ хлѣбовъ будетъ мало значить. Кромѣ того изъ картофеля можно дѣлать водку (въ Литвѣ очень много существуетъ для этого заводовъ), слѣдовательно будетъ барда, которая, въ свою очередь, станетъ питать скоть, а послѣдній увеличитъ количество навоза, а слѣдовательно и плодородіе земли. Но это еще не все: не боясь голода, имѣя чѣмъ кормить много скота, а слѣдовательно получать много мяса, молока и навоза, населеніе этого несчастнаго края, которое, съ грѣхомъ пополамъ, можно назвать теперь осѣдлымъ, ибо большой процентъ уходитъ совсѣмъ изъ родины, а почти всѣ взрослые мужчины около полугода отлучаются на дальніе и скудные заработки,—прикрѣпится къ мѣсту своего населенія и составитъ ядро той живой силы, которой суждено извлечь изъ Сѣвера, покоющіяся теперь въ немъ безъ пользы, несмѣтныя богатства. Однимъ словомъ—разводите здѣсь картофель, народонаселеніе сдѣлается менѣ подвижнымъ, разработка Сѣвера будетъ въ вашихъ рукахъ, вы станете тогда настоящими хозяевами Бѣлаго моря, а, черезъ него, въ состояніи будете производить новое сильное вліяніе на всю Европу. И на оборотъ: безъ картофеля половина

населенія оставить Сѣверъ, а тѣ, что останутся тамъ, будутъ слабы для того, чтобы дѣлать что нибудь, станутъ равнодушно смотреть на то, какъ Сѣверъ будетъ эксплуатироваться чужими (сосѣди вѣдь не дремлют!), и съ Бѣлымъ моремъ сдѣлается тоже, что съ Чернымъ и Балтійскимъ, т. е. по имени оно будетъ только русское.

Повторяю, однимъ изъ главныхъ экономическихъ и политическихъ вопросовъ русскаго Сѣвера (лучше Бѣломорья) нужно называть картофель. Поэтому, пиша монографію сѣвернаго края, я позволю себѣ немного больше заняться картофелемъ, расскажу вамъ, читатель, вкратцѣ исторію его появленія въ этомъ краю. Вещь, пожалуй, для многихъ покажется очень скучная, но, на мой взглядъ, знать исторію картофеля гораздо полезнѣе, чѣмъ всѣ пелопонезскія войны. Во-первыхъ—это еще вопросъ—происходили ли онѣ такъ, какъ говорятъ; отъ нихъ намъ ни тепло, ни холодно, тогда какъ картофель кушаетъ всякій изъ насъ. Но къ дѣлу!

Картофель—это плодъ американскій, впервые привезенный оттуда въ Европу нѣкимъ *Гавкиномъ* около 16 столѣтія. Второй экземпляръ присланъ былъ въ Англію—немного времени спустя—англійскимъ мореходцемъ *Дрэкомъ*. Въ XVII вѣкѣ онъ подавался лишь на столахъ первыхъ богачей Англіи. Въ тоже самое время, т. е. въ XVII столѣтіи, онъ появился и во Франціи; его тамъ развелъ и распространилъ нѣкто Пармантье. Въ Германіи стали разводить картофель въ началѣ XVIII вѣка.

Когда картофель появился въ Россіи—съ достовѣрностью опредѣлить невозможно; нужно полагать, что во второй половинѣ того же XVIII вѣка. Въ архангельской губерніи—на сколько объ этомъ можно судить по скудости свѣденій изъ того времени—картофель извѣстенъ съ конца прошедшаго, или начала нынѣшняго столѣтія. Молчановъ, первый, послѣ Крежина, писавшій объ архангельской губерніи, въ книгѣ своей, изданной въ 1813 г. говоритъ о картофелѣ, какъ о растеніи, разводимомъ уже въ архангельскомъ краѣ. Въ 1812 г. архангельской военной губернаторъ генералъ Спиридовъ вошелъ въ министерство полиціи съ представленіемъ такого рода, что въ архангельской губерніи слѣдуетъ, всѣми силами, разводить картофель, такъ какъ, на случай неурожая, онъ легко можетъ замѣнить тамъ хлѣбъ. Представленіе это было докладываемо императору Александру I, который повелѣлъ списаться по этому дѣлу съ министромъ внутреннихъ дѣлъ на тотъ конецъ—«не същется ли кто изъ колонистовъ, которому бы можно было поручить

сей предметъ, съ опредѣленіемъ ему достаточнаго жалованья». (Полн. Собр. Зак. Росс. Имп. Т. 31, стр. 24,932). По вызову министерства внутреннихъ дѣлъ явились три колониста: Шеферъ, Бендеръ и Флайшманъ. Ихъ взяли отправить въ архангельскую губернію и оттуда домой на казенный счетъ, давать ежегодно жалованье Шеферу по 500 рублей, а Бендеру и Флайшману по тысячѣ, кромѣ того всѣмъ имъ, во время нахождения въ архангельской губерніи, давали отъ казны квартиру, дрова, свѣчи, всѣ нужные земледѣльческія орудія и сѣмена, да Шеферу еще выдали одновременно 150 р. с. на зимнюю одежду. Всѣ эти издержки покрывались казначействомъ (разъ дали 3,500 асс. а другой 3,000) и особымъ сборомъ, который былъ установленъ, на три года, по всей губерніи, а именно, чтобъ всякій мужчина платилъ по 8 копѣекъ въ годъ, что составляло до 6,000 р. асс. въ итогѣ. Нѣмцевъ размѣстили—одного въ архангельскомъ, другого—въ мезенскомъ, третьяго въ кемскомъ уѣздѣ. Кромѣ того, царскимъ указомъ отъ 7 апрѣля 1812 г. объ учрежденіи при мѣстномъ губернскомъ правленіи продовольственнаго комитета, послѣднему велѣно было, между прочимъ, разводить въ архангельской губерніи картофель.

Первые опыты съ этимъ корнеплоднымъ растеніемъ, къ сожалѣнію, были неудачны: картофель или захватывало ранними морозами или родился онъ очень мелкій. Къ тому же масса простонародья относилась къ нему враждебно, хотя и были нѣкоторыя свѣтлыя исключенія. Это неудивительно: всякое нововведеніе вооружаетъ противъ себя массу, особенно, если эта масса мало развита, и, если починъ въ дѣлѣ принадлежитъ не ей. Эту естественную оппозицію увеличивало еще то обстоятельство, что между населеніемъ архангельской губерніи очень много старовѣровъ, которые называли картофель «чортовымъ яблокомъ», «поганою травкою», «негодною картошкою». Хорошо еще и то, что не пришлось такъ, какъ въ иныхъ мѣстахъ, напр. въ сосѣдней вологодской губерніи, вводить картофель вооруженной силой. Надо предполагать, что первоначально картофель начали разводить близъ самаго Архангельска, на островахъ Сѣверной Двины. Предположеніе наше мы основываемъ на томъ, что, изъ всей архангельской губерніи, въ окрестностяхъ самаго Архангельска всего болѣе было средствъ къ разведенію и сбыту этого растенія. Въ Архангельскѣ много жило нѣмцевъ, которые къ картофелю уже привыкли на родинѣ; по этой причинѣ и теперь тамъ его всего болѣе разводится. Тамъ портъ, много постоянныхъ жителей.

Въ 1814 году собрали во всей губерніи картофеля лишь 34 четверги; но чрезъ 10 лѣтъ, т. е. въ 1824 г. его уже было въ сборѣ въ 34 раза болѣе, именно 1,154 четверти. Въ 1825 г. появилось второе административное вмѣшательство въ архангельскій картофельный—такъ сказать—вопросъ. Въ архангельскомъ уѣздѣ купили, на пожертвованныя частными лицами деньги, 47 четвертей картофеля, и отправили ихъ для раздачи желающимъ посадить у себя въ городъ Пинегу и Мезень, въ уѣзды — пинежскій, мезенскій, кемскій и сѣверную часть архангельскаго. Опытъ удался; поэтому усилили его. Съ этой цѣлью поручено было одному чиновнику вѣдомства государственныхъ имуществъ, знающему разсадку картофеля, развести его въ большомъ количествѣ въ пинежскомъ уѣздѣ. Опять удача, и то въ такой еще степени, что, во многихъ мѣстахъ сборъ былъ самъ-сорокъ, не смотря на то, что ранніе морозы повредили картофельную ботву и мѣстные жители, изъ вражды къ новому, неохотно слушались совѣтовъ чиновника. Такіе же самыя чиновники посланы были, должно быть, и въ другіе уѣзды, потому что д-ръ Густавъ Шренкъ, путешествовавшій въ 1837 году, съ ученою цѣлью, по высочайшему повелѣнію, въ сѣверовосточной части европейской Россіи, видѣлъ такихъ чиновниковъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ архангельской губерніи. По словамъ ученаго доктора, онъ видѣлъ картофель въ уѣздахъ — архангельскомъ, холмогорскомъ, пинежскомъ и даже мезенскомъ; но сажали его только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, притомъ мало, и выходилъ онъ какой-то мелкій.

Въ 1839 г., въ архангельской губерніи выросло картофеля болѣе 4,500 четвертей, а въ 1841 г. урожай его простирался до 16,230 четвертей; слѣдовательно черезъ два года увеличился въ четыре раза—приращеніе очень быстрое! Всего болѣе его родилось у удѣльныхъ крестьянъ (въ одномъ 1841 г. 13,000 четвертей); съ тридцатыхъ же годовъ, на общественныхъ участкахъ шенкурскаго удѣльнаго имѣнія, картофель вошелъ даже въ полевой сѣвоборотъ. Последнее приписываютъ тогдашнему управленію имѣніемъ г. Казина, который, открывъ въ 1841 г., въ вѣдомствѣ благовѣщенскаго сельскаго приказа, образцовую учебную усадьбу, гдѣ были водворены молодые крестьяне, изучившіе хозяйство въ удѣльномъ земледѣльческомъ училищѣ, преимущественно разводилъ на этой усадьбѣ картофель, а въ 1842 г.—по его же представленію—удѣльное вѣдомство стало выдавать за картофель поощрительныя награды. Изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра удѣловъ, за 1849 г., видно,

что, благодаря тому, что картофель введенъ былъ въ полевой сѣвооборотъ, изъ него выпекли, въ архангельскомъ удѣльномъ имѣннн, до 1,500 пудовъ картофельнаго хлѣба и приготовили до 300 пудовъ картофельной муки. Впрочемъ, приготовленіе картофельной муки и печеніе изъ картофеля хлѣба производилось и раньше. Образцы, какъ того, такъ и другого, находились на выставкѣ произведеній природы и промышленности, которая, въ 1844 г., была сдѣлана въ Архангельскѣ, по случаю посѣщенія этого города однимъ изъ великихъ князей.

Короче говоря, разведеніе картофеля въ архангельской губерніи идетъ прогрессивно. Чтобы наглядно въ этомъ убѣдиться, представлю количество картофеля, добытаго по всякому уѣзду отдѣльно, съ 1859 г. по 1864 г., предвѣрая, что изъ этой таблицы невозможно никакъ судить о приплодѣ, потому что неизвѣстно количество посѣва. Цифры взяты изъ дѣлъ покойной палаты государственныхъ имуществъ и выражаются въ четвертяхъ; уѣзды расположены по количеству, производимаго ими, картофеля.

Уѣзды:	1859.	1860.	1861.	1862.	1863.	1864.	За 6 лѣтъ.
Архангельскій	8,114	8,257	9,093	6,716	11,973	19,269	63,422
Онежскій . . .	654	738	454	3,056	3,167	4,144	12,213
Холмогорскій .	565	594	640	1,657	1,711	2,893	8,060
Кемскій	1,267	1,358	1,038	872	1,258	906	6,699
Пинежскій . . .	860	875	1,109	503	730	822	4,899
Шенкурскій . .	166	172	180	376	403	830	2,127
Мезенскій . . .	94	88	97	—	49	54	382
Итого	11,720	12,082	12,611	13,180	19,291	28,918	97,802

Но это не весь картофель, добытый въ эти шесть лѣтъ въ архангельской губерніи. Въ приведенной таблицѣ нѣтъ картофеля, производимаго бывшими удѣльными крестьянами, а его они сажаютъ много, что доказывается уже тѣмъ, что въ послѣднее время изъ шенкурскаго уѣзда, который въ громадномъ большинствѣ состоитъ изъ бывшихъ удѣльныхъ, картофель большими партіями продавали на архангельскомъ рынкѣ. Если бы исправить, въ этомъ отношеніи, приведенныя нами за шесть лѣтъ цифры, и прибавить еще къ нимъ нѣкоторый процентъ, вслѣдствіе того, что передъ чиновниками, которые собирали эти данныя, мужики всегда (ужь такъ принято изъ боязни увеличенія налоговъ!) показываютъ меньше, чѣмъ есть въ дѣйствительности, то получимъ, что въ архангельской губерніи, съ 1859 по 1865 г.—т. е. въ шесть лѣтъ—картофеля соб-

рано около 150,000 четвертей, или, въ средней пропорціи, ежегодно его получается по 25,000 четвертей. А такъ какъ во всей губерніи считается 300,000 жителей, то выходитъ, что одна четверть картофеля должна служить для 12 человѣкъ въ годъ, или, что всякій архангелецъ изъ добываемаго въ его губерніи картофеля, можетъ только получить $\frac{1}{12}$ четверти въ годъ, что было бы достаточно, еслибы картофель былъ лекарствомъ, но очень мало какъ питательнаго вещества.

Чтобъ могъ однимъ картофелемъ пропитаться работникъ, его надо ему въ мѣсяцъ не менѣе четырехъ четвертей. Но вѣдь не всѣ столько требуютъ пищи, сколько понадобится работнику; есть дѣти, старики, женщины, хотя послѣднія на Сѣверѣ работаютъ ни сколько не меньше мужчинъ, и я далеко отъ такого нѣжнаго взгляда на женщинъ, по которому онѣ будто бы должны меньше ѣсть, чѣмъ мужчины (нѣжныя вѣдь такія созданія!). Слѣдовательно, говоря о всемъ населеніи, надо положить, что всякая единица, питаясь она лишь однимъ картофелемъ, съѣсть этого продукта 24 четверти въ годъ; затѣмъ картофеля, добываемаго ежегодно въ архангельской губерніи (25,000 четвертей) хватило бы на годичное прокормленіе лишь 1,042 людей. Но такъ какъ въ архангельской губерніи жителей 300,000 (т. е. такъ говорить, по крайней мѣрѣ, достоверно же неизвѣстно, потому что всѣ тамошнія статистическія цифры еще болѣе невѣрны, чѣмъ въ прочей Россіи), то, чтобъ прокормить ихъ, во весь годъ однимъ лишь картофелемъ, надо, чтобы послѣдняго собиралось ежегодно не 25,000, а 7,200,000 четвертей, т. е. въ 288 разъ болѣе, чѣмъ нынѣ. Скажутъ мнѣ: однимъ вѣдь картофелемъ кормить человѣка круглый годъ нельзя и не всегда же на Сѣверѣ бываетъ неурожай? Согласенъ; но если на эти обстоятельства откинуть 88 процентовъ,—что даже очень много—вы все-таки увидите, что архангельская губернія должна непременно въ 200 разъ болѣе, чѣмъ нынѣ, производить картофеля, т. е. получать его не 25,000 а 5,000,000 четвертей. Новый вопросъ: какъ достичь этого и, главное, достичь очень скоро, потому что весь Сѣверъ истощенъ уже теперь голодомъ, слѣдовательно медлить тутъ нельзя, если не хотять быть свидѣтелями окончательной гибели этого злополучнаго края.

По моему мнѣнію, слѣдовало бы, въ этомъ дѣлѣ, какъ ни тяжело это, прибѣгнуть къ искусственнымъ мѣрамъ, къ поддержкѣ извнѣ, ко всему русскому обществу, потому что естественный ходъ дѣлъ всегда бываетъ медленный, а тутъ надо, чтобъ въ

рукахъ горѣло и полагаться на починъ самого сѣверянина — голоднаго, убитаго, было бы верхомъ безразсудства. Итакъ нужно, во-первыхъ, чтобы всякому, желающему заняться разведеніемъ картофеля, были предоставлены заимообразно сѣмена, количество ихъ не должно быть опредѣлено: сколько кому нужно, столько пусть и беретъ. Бояться того, что—вмѣсто того, чтобы посадить картофель онъ будетъ сѣдѣнъ или проданъ—совершенно нечего: сѣверяне на столько честны и неглупы, что никогда этого не сдѣлаютъ. Впрочемъ, чтобы успокоить всевозможныя опасенія, можно допустить круговую поруку общества за всякаго заемщика и подвергать самому строгому наказанію тѣхъ, кто во зло употребить ссуду, которая, добавимъ, должна даваться не на годъ, а на два, потому что очень часто можетъ такъ случиться, что приплодъ съ перваго года будетъ такъ малъ, что, если возвратить ссуду, то нечего будетъ на другой годъ посѣять, и опять нужно будетъ ссужаться. Во-вторыхъ, нужно, чтобы сѣверяне имѣли земли побольше; это необходимо не для одного только картофеля, но и для прочихъ посѣвовъ. Говоря о средствахъ къ улучшенію земледѣлія на Сѣверѣ, я коснусь этого пункта по обстоятельнѣе.

Нужно тоже вызвать въ наиболѣе голодающія мѣстности Сѣвера—напр. уѣзды мезенскій и пинежскій — иностранныхъ колонистовъ, знакомыхъ съ разведеніемъ картофеля. Такъ какъ экономическій бытъ Германіи, которая, въ прежнее время, всего болѣе доставляла колонистовъ, съ каждымъ днемъ улучшается, слѣдовательно желающихъ переселиться куда нибудь все будетъ меньше и меньше, да и тѣ скорѣе пойдутъ въ Америку, чѣмъ въ Россію, то было бы недурно обратиться съ вызовомъ къ Ирландіи, гдѣ бѣдность, а слѣдовательно и побужденія къ переселенію увеличиваются въ громадной пропорціи. А вѣдь ирландцы, не менѣе нѣмцевъ, знакомы съ картофелемъ, и не уступятъ имъ въ честности и трудолюбіи. Само собою разумѣется, что мы, рекомендуя колонизацію, вовсе не хотимъ видѣть въ ней якорь нашего спасенія. Напротивъ, плохъ тотъ народъ, которому приходится тысячу лѣтъ пользоваться силами и знаніемъ другихъ націй, но не менѣе того фактъ остается фактомъ, и безъ помощи европейскаго ума мы еще долго не создадимъ ничего путнаго. Закончимъ нашу бесѣду о картофелѣ въ архангельской губерніи заявленіемъ, что теперь тамъ противъ него нѣтъ никакого предубѣжденія; употребляетъ его вся губернія и кто можетъ—разводитъ съ охотой.

Исключеніе составляютъ одни цыгане, которыхъ къ пинежскому

уѣзду приписано до 70 семействъ; въ шенкурскомъ ихъ гораздо больше. Странные это люди! Не перемѣнились они и на сѣверѣ, также какъ и въ прочихъ мѣстахъ, живутъ все лѣто кочуя, въ города приходятъ лишь на ярмарки и чтобъ взять виды. Торгуютъ, разумѣется не очень честно, лошадьми, но не воруютъ, платятъ исправно подати, за что ихъ очень любятъ сельское начальство. Мужчины одѣваются по-мѣстному, съ той разницей, что вмѣсто молицы, или совика (особенная одежда женщинъ) зимой носятъ полушубки; женщины, всегда почти съ открытыми головами и въ салопахъ, держа на рукахъ дѣтей, просятъ милостыню, гадаютъ, веселятъ публику пѣніемъ и танцами. Вообще видно, что они достаточные. По рассказамъ мужиковъ, цыгане любятъ ѣсть хорошо, покупаютъ, не скупясь на цѣну, лучшую, какая есть въ околдѣхъ, говядину и баранину. По-русски говорить плохо, хоть живутъ уже на Сѣверѣ давно; между собой разговариваютъ по-цыгански. Явились они добровольно въ архангельскую губернію, лѣтъ 50 тому назадъ, сказали, что изъ Австрій пришли, но, когда тамъ спросили, оказалась ложь. Должно быть изъ Польши или Румыніи занесло ихъ на Сѣверъ. Ихъ приписали къ различнымъ сельскимъ обществамъ, выбираютъ они между собою «бургомистра»; онъ служитъ посредникомъ между ними и начальствомъ. Правительство давало имъ земли—не хотѣли воздѣлывать; назначили имъ немного лѣсу—и того не тронули. Думали, что хоть картофель посадятъ, и велѣли имъ строго-на-строго заняться этой работой. Цыгане картофель посадили, но изъ него ничего не вышло; не только ботвы, но на маковку зелени даже не показалось. Начальство пустилось распекать; «для насъ и земля не родить»—оправдывались цыгане. На другой годъ—таже самая исторія. Начальство пришло въ недоумѣніе и, чтобъ узнать истину, велѣло посмотрѣть, дѣйствительно ли былъ посаженъ картофель. Каково же было общее удивленіе, когда увидѣли, что цыгане дѣйствительно картофель сажали, но не сырой, а свареный. Разумѣется, что ошибка эта была сдѣлана съ умысломъ, чтобы болѣе не заставляли ихъ сажать картофель. Цыганамъ это удалось: съ тѣхъ поръ ихъ оставили въ покоѣ!

Овса никто здѣсь не сѣетъ; онъ не созрѣваетъ—это разъ, да и надобности настоящей въ немъ нѣтъ, потому что лошадей кормятъ здѣсь однимъ лишь сѣномъ, хотя послѣднія, по крѣпости своей, могутъ считаться одними изъ первыхъ въ Россіи. Пшеница тоже не сѣется; изъ всей губерніи, она разводится, и то въ очень небольшомъ количествѣ, въ южной части шенкурскаго уѣзда, этой

архангельской Итали, какъ справедливо говорятъ архангельцы. Въ пинежскомъ уѣздѣ даже и не пытались разводить пшеницу; тоже самое и въ самомъ Архангельскѣ, хотя, можетъ быть, что, при извѣстномъ усилии, она и стала бы тамъ расти. Нѣкто г. Михайловъ посадилъ въ своемъ огородѣ въ Архангельскѣ 19 зеренъ американской пшеницы. Созрѣла она въ 16 мѣсяцевъ и 17 дней; разумѣется, нѣкоторое время, пришлось держать ее въ ящикахъ, дома. Изъ этихъ 19 зеренъ явилось 10 кустовъ, которые дали 3186 зеренъ, слѣдовательно самъ 310 приплоду. Понятно, что о разведеніи пшеницы, посредствомъ ящиковъ, которые надо держать дома, не можетъ быть и рѣчи; но въѣдь ящики можно было бы замѣнить чѣмъ-нибудь другимъ, напр: покрываніемъ земли одѣлами изъ соломы, или парниками, и все-таки разводить это полезное растение. Суровость климата не можетъ тутъ быть оговоркой. Въ этомъ отношеніи, надо брать примѣръ съ сосѣдняго скандинавскаго сѣвера. Въ Торнео, который градусомъ сѣвернѣе Архангельска, давно уже разводятъ табакъ, тогда какъ въ Архангельскѣ никто объ этомъ и не подумалъ. Правда, г. Михайловъ, о которомъ мы сейчасъ говорили, имѣлъ въ 1853 году, на градѣ своего огорода, разсадные листы турецкаго табаку; посѣявъ онъ былъ въ первой половинѣ апрѣля въ теплицѣ и въ іюнѣ пересаженъ уже на огородъ. Но эта попытка, къ сожалѣнію, такъ попыткой и осталась. Льна въ самой Пинегѣ не сѣютъ; въ уѣздѣ разводится его очень мало и качества не слишкомъ высокаго.

Пинежскіе огороды далеко не въ цвѣтущемъ состояніи. Капусту разводятъ хотя и мало, но по неумѣнью съ нею обращаться—она не свертывается здѣсь въ головки. Здѣшніе жители ѣдятъ мало капусту, если же кто ее употребляетъ, то некутъ ее прежде въ печкѣ, послѣ рубятъ и кладутъ въ ушаты. Настоящимъ, хотя и не очень старательнымъ образомъ, капуста готовится у чиновниковъ, которые довольно ее любятъ. Продуктъ этотъ осенью, на карбасахъ, привозятъ въ Пинегу изъ Архангельска, куда, по Двинѣ, доставляется его много изъ вологодской губерніи. Въ Архангельскѣ и его уѣздѣ есть уже своя хорошая кочанная капуста, которую тамошніе крестьяне и нѣмцы разводятъ посредствомъ теплыхъ разсадниковъ, хотя, до 1810 года, ея тамъ не разводили совершенно, а получали изъ Вологды уже готовую. Морковь, лукъ, чеснокъ, брюква, хрѣнь, огурцы, петрушка—все эти вещи привозятся въ Пинегу изъ болѣе благодатныхъ мѣстъ, и продаются тамъ по очень высокой цѣнѣ. Разводить ихъ на мѣстѣ можно было бы

посредствомъ однихъ парниковъ. Къ салату не привыкли, хотя онъ могъ бы съ успѣхомъ здѣсь расти. При мнѣ его разводили лишь заѣзжіе въ Пинегу люди—и удавался довольно хорошо. Рѣдиска тоже не въ модѣ; посаженная, въ концѣ мая, на грядѣ, въ началѣ юлія она поспѣвала здѣсь совершенно. Рѣдьки получается мало; вкусомъ она какъ-то не очень хороша. Рѣпы въ Пинегѣ и ея уѣздѣ въ изобиліи. Употребляютъ ее въ пищу четырьмя способами: ѣдятъ сырую, вареную, печеную и пареную. Последнюю приготавливаютъ такъ: въ горшокъ кладутъ рѣпу безъ воды и прикрываютъ его плотно, иногда даже покрышку замазываютъ глиной; горшокъ этотъ, на цѣлыя сутки, ставится въ горячую, сейчасъ послѣ вытопленія, печь—и лакомство готово. Такъ приготовленная рѣпа имѣетъ приторно-сладкій вкусъ; ее здѣсь очень любятъ.

Садовыхъ плодовъ, т. е. фруктовъ, въ Пинегѣ, разумѣется, нѣтъ. Въ 1866 году тамошній купецъ г. Воводинъ посадилъ у себя нѣсколько яблоней; интересно было бы знать, выйдетъ ли чтонибудь изъ этого? Что плодовые деревья могутъ здѣсь произрастать—это не подлежитъ сомнѣнію. Вся трудность въ томъ, какъ ухаживать за ними. Въ этомъ отношеніи, основанный недавно въ С. Петербургѣ, помологическій садъ доктора Регеля, долженъ принести Сѣверу большую услугу. Фрукты—въ настоящее время—даютъ двойную пользу человѣку: вкусную, здоровую пищу и не менѣе здоровый напитокъ—сидру, которая въ такомъ употребленіи на Западѣ и тѣмъ болѣе желательна для Россіи, этой страны кабаковъ; замѣчено, что чѣмъ болѣе ее гдѣ нибудь употребляютъ, тѣмъ меньше въ ходу хлѣбныя спиртные напитки. Отъ разведенія на Сѣверѣ фруктовыхъ деревьевъ польза была бы еще и та, что теперь, на этотъ предметъ, не мало идетъ денегъ за-границу. Въ Пинегѣ груши въ продажѣ нѣтъ, равно какъ дынь и арбузовъ. Небольшія, довольно съверненкія яблоки можно купить осенью по 4—5 копѣекъ за штуку; зимой въ ихъ ни за какія деньги не достанете. Здѣсь фрукты рѣдкость; многіе ихъ съ роду не видѣли. Одинъ чиновникъ, весь вѣкъ свой прожившій въ Пинегѣ, говорилъ о различныхъ сортахъ яблокъ. «Вы ихъ гдѣ кушали?» спросилъ кто-то. «Нигдѣ-съ» — отвѣчалъ сконфуженный чиновникъ — «я читаль-съ это въ книжкѣ». Другому купцу, корчащему изъ себя негоціанта, хотъ въ лавченкѣ на нѣсколько сотъ товара нѣтъ, прислали въ подарокъ дыню. Не зная, что съ ней дѣлать, почтенный бородачъ далъ ея играть дѣтямъ. Стоило большого труда растолковать ему, что это не игрушка, а вкусный плодъ.

Въ Пинегѣ рябины даже нѣтъ; на всю архангельскую губернію она встрѣчается лишь въ одномъ шенкурскомъ уѣздѣ. Нѣтъ тоже здѣсь ни хмѣля, ни конопля. Кедровые орѣшки не собираются потому, что въ пинежскомъ уѣздѣ кедровыхъ лѣсовъ мало. Лакомство это поэтому здѣсь довольно дорого; его привозятъ сюда съ Печоры и съ устьесольскаго уѣзда вологодской губерніи, гдѣ, чтобы достать какіе нибудь нѣсколько фунтовъ этихъ орѣшковъ, зырянинъ срубаетъ кедръ и, съ лежащаго уже на землѣ, принимается собирать плоды. Многіе называютъ это варварствомъ, а я буду оправдывать зырянина: орѣшки растутъ на верхушкѣ кедра, слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы лѣзть на самую высь дерева, лучше его срубить, тѣмъ болѣе, что оно не свое, а казенное...

Изъ прочихъ плодовъ, какъ растущихъ на кустарничкахъ, такъ и на самой землѣ, въ Пинегѣ находятся слѣдующіе виды: малина, смородина, земляника, бруслика, голубица, черница, павеника, морошка, клюква, сиха, есть немного грибовъ. Малины тамъ очень немного; растетъ она дико близъ города и окрестныхъ деревень, по направленію къ г. Холмогорамъ. Она меньше встрѣчаемой въ средней полосѣ Россіи, цвѣта болѣе темнаго, не очень сладка, вяла, много порченныхъ ягодъ, но за то очень душиста.

Смородина въ Пинегѣ бываетъ двухъ родовъ—черная и красная; оба сорта растутъ тоже въ дикомъ состояніи и въ довольно большомъ количествѣ. Черная смородина сильно пахнетъ вересомъ, пѣзъ нея дѣлаютъ довольно вкусную наливку. Годилась бы она и для варенья, но его въ Пинегѣ никто почти не приготовляетъ. Красной смородины добывается больше, чѣмъ черной, оттого послѣдняя и дороже первой, которой узелокъ въ 3—4 фунта можно купить копѣекъ за 10—15. Обѣ смородины простонародѣ вѣстъ сырьемъ. Замѣчательно, что малины и обѣихъ смородинъ всего болѣе находится въ окрестностяхъ близлежащаго отъ Пинеги красногорскаго монастыря. Нужно предположить, что это не случайность, а монахи ее тамъ развели.

Земляники въ пинежскомъ уѣздѣ такъ мало, что ее рѣдко можно видѣть въ продажѣ, почему и цѣну ей опредѣлить невозможно. Въ болѣе сѣверномъ, мезенскомъ уѣздѣ ея уже совершенно нѣтъ, тогда какъ въ шенкурскомъ собираютъ этой ягоды довольно.

Черницы въ Пинегѣ растутъ очень много; она точно такая же, какъ и въ средней полосѣ. Четверикъ этой ягоды никогда не стоитъ болѣе 40 копѣекъ; вѣстъ ее народъ сырую. Похожая очень на черницу бываетъ здѣсь голубель; разница та, что голубель сла-

ще черницы, болѣе синяго цвѣта, ягоды больше и продолговатыя, тогда какъ черница кругла. Собирается ея здѣсь не въ примѣръ больше черницы, почему она и дешевле послѣдней.

Брусники, или, по мѣстному, «брусницы» около Пинеги растутъ довольно, но рѣдко она тамъ созрѣваетъ; всегда зрѣлая она является только лишь въ шенкурскомъ уѣздѣ, почему и вкусомъ она тамъ лучше пинежской. Въ Пинегѣ зимою четверикъ ея стоитъ отъ 40 до 50 копѣекъ, Держать ее всю зиму—или замороженной, или толченой въ ушатахъ. Послѣднюю, въ постные дни, ѣсть народъ съ такъ называемою здѣсь «сладкой опарой». Это родъ кашицы довольно жидкой, которая дѣлается такимъ образомъ: въ кипятокъ бросаютъ ржаную муку, мѣшаютъ ее и ставятъ горшокъ въ печь. Болѣе богатые изъ замороженной брусники готовятъ родъ салата къ жаркому. Все дѣло въ томъ, что бруснику, поставленную въ печь для того, чтобъ изъ нея вышелъ весь сокъ, подслащаютъ послѣ сахаромъ, или патокой.

Морошка, по обилію и доброкачественности, считается первой ягодой въ пинежскомъ краѣ. Чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ ягоды этой больше и она лучше, такъ что въ архангельской губерніи она всего хуже въ шенкурскомъ уѣздѣ и всего лучше въ мезенскомъ. Южнѣе Шенкурска она находится, и то въ очень маломъ количествѣ, въ сѣверной части вельскаго, пограничнаго съ шенкурскимъ, уѣзда. Въ средней Россіи ягоды этой нѣтъ; не знаю, каимъ чудомъ попала она въ бѣльскій уѣздъ смоленской губерніи, хотя ея тамъ чрезвычайно мало растетъ, какъ рѣдкость. Въ пинежскомъ краѣ собирается ея иногда такъ много, что корзинку въ три фунта, какъ это было въ 1865 году, можно было купить за пять копѣекъ. Обыкновенно продаютъ ее зимою фунтъ по 3 копѣйки, когда былъ большой урожай, и по 5, когда было ея мало. Морошка растетъ на болотахъ, покрытыхъ мхомъ; съ виду похожа она на малину, пока не созрѣетъ—цвѣтомъ бываетъ красновата, зрѣлая—всегда желта. Собираютъ ее, какъ и прочія здѣсь ягоды, въ августѣ, иногда въ концѣ іюля, выбирая время такъ, чтобы она не была спѣлая, потому что тогда бываетъ она очень мягка, и, по чрезмѣрной сочности, легко изъ себя выпускаетъ сокъ. Морошка растетъ на довольно высокихъ кустикахъ; на всякомъ изъ нихъ бываетъ много стебельковъ, а на всякомъ стебелькѣ по нѣскольку ягодъ. Запаха морошка не имѣетъ никакого; вкусомъ она водянистая и не сладкая. Изъ нея дѣлается на Сѣверѣ великолѣпная наливка, но лучше наливки выходитъ изъ морошки варенье; жалъ,

что его тамъ никто не приготовляетъ. Морошку держать всю зиму, въ ушатахъ и въ бочкахъ, въ замороженномъ видѣ и просто. Болѣе бѣдныя ѣдятъ ее прямо; кто побогаче—тотъ съ сахаромъ.

Лучше морошки считается паленика, или комуника; только въ пинежскомъ краѣ ея такъ мало, что въ иной годъ и увидѣть даже трудно. Съ виду она тоже похожа на малину, только значительно ея меньше, растетъ маленькими, низенькими кусточками; на всякомъ кустикѣ только одинъ стебелекъ, а на стебелькѣ—только одна ягода. Паленика цвѣта темно-коричневаго, имѣетъ очень сильный и пріятный запахъ, напоминающій собою ананасы. Она тѣмъ лучше и тѣмъ ея больше, чѣмъ ближе къ югу, такъ что въ мезенскомъ уѣздѣ ея уже совершенно нѣтъ, тогда какъ въ шенкурскомъ растетъ она всего болѣе и всего лучше изъ всей губерніи. Наливка и варенье изъ паленики—безподобны, лучше еще чѣмъ изъ морошки. И странное дѣло! никто не займется ихъ приготовленіемъ для продажи, хотя, при самомъ незначительномъ трудѣ, умѣньи и капиталѣ можно было бы нажить громадныя деньги. Посмотрите, какимъ капиталомъ ворочаетъ теперь г-жа Балабухина изъ Кіева, и все это нажила одними вареньями, да прочими сластями. Фунтовая банка варенья изъ морошки или паленики на мѣстѣ не обошлась бы дороже 15 копѣекъ, а въ Петербургѣ, или Москвѣ всякій за нее съ охотою дастъ полтину—подавай лишь!

Можно было бы даже, со временемъ, отправлять эти варенья за-границу. Разумѣется, что занявшись приготовленіемъ ихъ въ большомъ количествѣ, надо было бы имѣть подъ рукой хоть бы небольшой стеклянный заводъ и выписывать большими партіями сахаръ. Но объ вещи, какъ нельзя болѣе, легки: стеклянный заводъ скоро бы окупился; потому что въ стеклѣ чувствуется на Сѣверѣ страшный недостатокъ и матеріалы для его производства очень недороги; доставка же сахара обошлась бы тоже дешево, менѣе чѣмъ по рублю съ пуда. Значитъ была бы только предпринчивость, а очень прибыльное предпріятіе готово!

Клюквы въ Пинегѣ очень мало; чѣмъ южнѣе, тѣмъ ея больше. Есть еще черная, небольшая, невкусная ягода; зовутъ ее въ Пинегѣ «сихой». Слѣдуетъ еще упомянуть объ одномъ питательномъ веществѣ, называемомъ въ народѣ «корнями». Это родъ мелкаго картофеля, который ищутъ въ землѣ, лишь только снѣгъ исчезнетъ; его здѣсь всѣ ѣдятъ и вкусомъ онъ недуренъ. Грибовъ очень мало; оттого-то ни въ пищѣ, ни въ продажѣ вы ихъ не встрѣтите. Разумѣется, что настоящіе грибы здѣсь не родятся; попадаютъ

ся лишь, и то какъ рѣдкость сморчки и нѣсколько еще другихъ, очень низкихъ сортовъ, которые всѣ въ здѣшнемъ простонародьи—носятъ названіе «губь».

Вотъ что даетъ пинежская земля для прокормленія своихъ обитателей! Какъ видите, даетъ она очень мало, но и эта еще малость добывается нераціонально, потребляется нерасчетливо. Теперь намъ слѣдуетъ сказать, что достаетъ своимъ трудомъ пинежанинъ безъ содѣйствія родной его земли; какова его жизнь, его здоровье, его благосостояніе, каковъ онъ по уму своему, что любить, что ненавидитъ—однимъ словомъ—каковъ онъ!

Это составитъ предметъ слѣдующей статьи.

В. Журавскій.

